

УЖЕ наваждение ли это странное чувство, что вместе с главным героем романа Юрия Бондарева «Игра» кинорежиссером Крымовым не в днях сегодняшних находишься, а во временах давно прошедших, или, говоря языком Крымова, «запредельных»? И не во вполне определенной стране, а в некоем условном пространстве, населенном людьми без заметных признаков их гражданской и политической принадлежности? Ведь Крымов летает на современных авиалайнерах, в барах модных гостиниц звезд первой величины вращается в кругу других кинозвезд, ведет разговоры на темы самые злободневные. И разве не современные, не тревожат нас те негативные явления в жизни и прямые пороки в людях, которые так остро подмечает и переживает Крымов? А эта его боль оттого, что в войну «погиб цвет народа», — она тоже наша, общая, она всегда с нами...

Все так. Однако неспроста же и сам Крымов в потоке «вселенских» раздумий спохватывается: «Но когда и где все было — в каком веке, в каком мире?» И не зря же никак не принимает душа того, что уже высказано о Крымове в одной из рецензий — высказано безоговорочно и однозначно: «Главный положительный герой писателя...» «Крымов, несомненно, тип русского интеллигента в самом высоком значении этого понятия...»

Так ли это? И почему за Крымова порой не только больно, но и неловко?

Может быть, дело лишь в несколько архаичной поэтике речений Крымова — с их кавалергардами, гусарами, дуэлями, с Древним Римом и патрициями, с протопопом Аввакумом? Или в том, что слишком часто обращается Крымов к Библии, поминает то бога, то дьявола, то сатану? Что многовато в книге церквей, куда Крымов заходит, то уносясь душой опять же в нечто «запредельное», то чувствуя, что «готов простить людям самые страшные прегрешения», то живо представляя «калик переходящих, покорную поступь молчаливых монахов», «притомленность грешниц, ховивших сюда из Москвы спастись душу».

Все названное, разумеется, частности. Перечисление их может показаться докучливой придиркой. Но хитрое дело — художественное слово, нет в нем частности самих по себе, из них вырастает нечто цельное — образ. И вот уже понятно: чувство условности, несовременности — не от подобных частности, а от самого Крымова, главного героя романа, — от его мировоззрения, морали, образа жизни. Чуть ли не на век назад нас отбрасывает нескончаемый крымковский «поток сознания», в коем тонет все, что происходит в романе.

Контроль над мыслью утрачен. Она лихорадочно скачет с предмета на предмет и от случайной ли мухи в салоне авиалайнера, от ярко ли вспыхнувшей звезды опять же уносится в нечто «запредельное».

Вот видится ему «дрожащие космических лучей в глубинах жутких провалов галактик», «дохнуло из небесных пропастей ритуальной тайной непостижимости», и Крымова стало «томить, тихое желание попросить прощения за что-то, в чем были виноваты все», и он снова и снова задает себе полумистический вопрос: «В чем смысл всего земного и небесного? Или смысл в том, что нет никакого смысла?»... Может быть, смерть и есть постижение всего? «Как ничтожна возня людей, «земная тщета».

За все происшедшее с ним

Крымов винит и себя самого. Но еще беспощадней, размышлений, неразборчивей судит он время, людей и чуть ли не все человечество. И если автор романа задался целью показать, как под внезапным ударом судьбы иногда распадается человеческая личность, насколько сомнительны мировоззренческие откровения, сделанные в таком шоковом состоянии, то цель эта, пожалуй, достигнута.

Но духовное смятение Крымова — следствие не только сиюминутных трагических обстоятельств. Оно присуще ему и как личности, которая выявляется в основном через стихи его неотвязных размышлений и разговоров.

«В последние годы я думаю о том, где лежит тайна жизни и тайна смерти, которая объясняет наши поступки», «пытаюсь понять, когда и где

делила те немногие поступки, о которых поведано в романе: Одно дело, когда на фронте Крымов, прострелив руку разведчику Молочкову, «прощает» его, труса, спасовавшего перед опасным заданием: там раздумывать было некогда. Но Крымов «прощает» Молочкова и спустя долгие годы, когда, узнав о довольно подленькой жизни, берет на студию в свои ближайшие помощники. Готов он «простить» Молочкова и еще раз — отвалить ему четыре тысячи рублей в награду... за клевету, вымогательство и шантаж.

Взывая к возвышению человеческих душ, сам Крымов, по существу, губит души других — своим всепрощением, своим высокомерием, своим неумным иронизированием над всеми и вся, своей отстраненностью от всей сего-

заудушью цивилизации, так это опять же Россия». Но какая Россия? Та, что из года в день трудится, развивает столь ненавистный Крымову научно-технический прогресс, свою социалистическую цивилизацию, идет на немалые жертвы, чтобы не дать поджигателям войны превосходства, чтобы отстоять мир и тем спасти цивилизацию общечеловеческую? Или та Россия, полумистическая, с протопопом Аввакумом как с символом и с Толстым как с пророком, какой существует она в сознании Крымова? Отвечая Гричмару, он говорит, что не знает, как можно предотвратить катастрофу. Зато Крымову ничего не стоит предположить, что большие вопросы мировой цивилизации волнуют только их с Гричмаром и подобных им интеллигентов, но не имеют «ни малейшего значения

Горько, что все наиболее ценное в книге или гибнет, или несет, быть может, непоправимый урон, а подлости, подобные Молочкову, обретают простор. Автор словно бы иллюстрирует крымковское: «сволочи и несволочи связаны одной веревочкой... и это ероде единой сети. Из нее часто невозможно вырваться». Но вырваться-то надо! И жалко, что зло отражается в романе лишь риторически или в виде уродливых масок — тоже, пожалуй, уже устаревших. Нынешний бюрократ, карьерист или ретроград куда хитрей и изощренней вчерашних.

Дело даже не в том, пессимистичен роман или оптимистичен. Труд художника, знают все, не зеркальное отражение мира, а и плод субъективного восприятия творца. И хотя позиция автора по отношению к Крымову зашифрована, отождествлять их взгляды и в голову никому не придет. И все же...

В романе американец Гричмар с иронией упоминает о некоем «бывшем нашем советском романтизме», что Крымов оставляет без комментариев. А сам Крымов с не меньшей иронией встречает упрек в том, что в его фильмах все только мучаются вечными вопросами: «как жить? что такое совесть? что такое правда?» Что в его сценарии «нет ни энтузиазма молодежи, ни трудового подъема, ни претворения в жизнь исторических планов нашего непростого сегодня», что «после этого никто нигде не поедет». «На строительство в Сибирь, например».

И эту крымковскую иронию можно бы и разделить — искусство не терпит столь прагматического, конъюнктурного подхода, если бы не крылся за ней и скептицизм по отношению к тому, чем мы искомни дорожим и над чем, к сожалению, иронизирует не только Крымов.

«Наша проза, — говорил Ю. В. Бондарев на V съезде писателей РСФСР, — еще не ушла, но уходит от сусального мифа о человеке, с песней «шагающем» и «покоряющем пространство и время...»

Печально, если проза от этого «мифа» уходит. Потому что то «комсомольское племя», что с этой самой песней «по жизни шагало» и самозабвенно жило в тридцатые годы романтической исторической преобразований, — не «сусальный миф», а гордость страны. И не оружием одним или солдатским умением оно одолело в войну беспощадного врага, но и силой духа. Правотой, неистребимой верой в неодолимость того светлого, окрыляющего, что дал планете Октябрь. Своим историческим оптимизмом.

Писатель, подаривший нам такие мужественные, полные страсти и света «фили», как «Батальоны просят огня», «Горячий снег», на этот раз создал героя, как бы выпавшего из своего фронтового поколения, утратившего всем нам дорогие его черты. Это — дело и право писателя. Но называть катастрофически растерянного Крымова «главным положительным героем писателя», «интеллигентом в самом высоком значении этого понятия» можно лишь без учета того, что литературная критика дело не «цеховое», а общественное, что критерии в ней определяет и жизнь. Может, тем и объясняется непродуктивность многолетнего внутрилтературного разговора о положительном герое, что теоретические поиски ведутся без соотнесения его с положительным героем самой жизни? С народным представлением о нем? Думается, разговор о современном литературном герое необходимо продолжить.

Клара СКОПИНА,
Сергей ГУСЬКОВ.

НАЙТИ ГЕРОЯ

Размышления о новом романе

Юрия Бондарева «Игра»

человек свернул или сворачивает с пути истинного», — признается Крымов. И не раз еще уточняет, не называя, правда, причин, что начались эти думы еще лет пятнадцать назад. Афористичность высказываний Крымова убеждает: они — не экспромт, не импровизация «по случаю» — это кредо. И вот вокруг чего в основном бьется смятенная крымковская мысль:

«Современная цивилизация повела мир по ложному пути. Умные люди изобрели машины, но техника не нашла умных командиров, не подчинилась и стала управлять людьми. И изнежила их, отобрала у них силу духа» — «ужасно то, что мы живем в век расчетливой цивилизации».

«Только голод, рождение и смерть — непоколебимые истины. А остальные двояко, подчинено обстоятельствам: правда, зло, добра».

«Неужто человека выдумал потерявший разум бог? Нравственности и духа он передал ему до невероятности мало, жадности и глупости много». «Жизнь — это борьба с неотвратимостью смерти. Библия говорит, что человек рождается для страданий». «Весь мир стал или становится несчастным».

Читатель уже, очевидно, заметил, что эти мысли Крымова далеко не оригинальны. Они из прошлого. Они поразительно схожи с тем, что В. И. Ленин определил как «Исторический грех толстовщины», как то, что в нем, великом нашем писателе и гражданине, принадлежит «прошлому, а не будущему». И будто именно к Крымову обращены эти проникновенные ленинские слова: «С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовство», т. е. истосканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием...»

Над мыслью Крымова всецело властвует Толстой. Его дневники для Крымова — «Евангелие в ночи бессонницы». Толстой, «с его одержимостью, раскаянием, идеями опрощения, любви, братства», стал, по словам Крымова, его кумиром, его философия опре-

днейшей «нестудийной» жизни и политики, от действительной расстановки сил в стране и в мире, своим, наконец, вечным «не знаю» — в ответ на вопросы, с которыми к нему, бывшему фронтовику, крупному режиссеру, с надеждой обращаются в трудные минуты люди.

Гибнет юная актриса Ирина Скворцова, он, многоопытный, не помогает ей, девочке, преодолеть душевную смуту. Из-за него она оклеветана, но и это не может подтолкнуть к поступку. Все те же туманно-успокоительные фразы. И, право же, по справедливости отец Ирины ему заявляет: «Вы были дьяволом-соблазнителем», «безнравственный по отношению к моей дочери человек!»

Уйдя в туманные мысли о спасении души, Крымов, по существу, отстранился от «земной» и «неземной» жизни своей страны, ее насущных забот, часто приписывает современникам, особенно не его «интеллигентского» круга, совсем несвойственные им представления.

«Ну что, ненавидишь антиллегенцию, парень? Покрушил бы их, миллионщиков, бездельников, развратников, ежели бы твоя воля?» — обращается Крымов и явно не к одному шоферу Гулину, ибо о «комплексе» всеобщей «черной» зависти к талантам Крымов говорит неоднократно.

Или назойливо и иронично повторяемое на все лады Крымовым, что якобы «мы, избранные, присвоили себе ангельскую непорочность, невзирая ни на что, оставив все сатанинское за бугром», когда давно уже мы открыто боремся с тем, что нам в жизни мешают. Да, Крымов прав, что мы не отгорожены «бетонной стеной» от остального мира и от всего тлетворного в нем. Но есть социальный «иммунитет» — наш образ жизни, который упруго сопротивляется навязываемому извне. Поэтому и странно, что Крымов не видит за понятием общечеловеческой цивилизации всей пестроты и сложности современного мира, — той, к примеру, существенной разницы, с какой подходим к научно-техническому прогрессу мы и мир капиталистический.

Да, и Крымова волнует «разврат духа» в Америке, пропаганда войны «как черты современной жизни», угроза атомного опустошения. И он говорил американцу Гричмару, что «если уж кто спасет

для других, для большинства бесхитростно работающих в поте лица людей, живущих просто, без всяких там лишних мыслей и мук, живущих, может быть, счастливо, подобно здоровому растению под небом... не задавая никаких вопросов, заботясь только о хлебе насущном. Так, как живут сотни миллионов людей». Чего больше в таких «откровениях» — элитарного высокомерия или интеллигентской слепоты?

Да, Крымова беспокоят и волнующие мир экологические проблемы, но не далее того, чтобы по-толстовски себя упрекнуть, что «сегодня утром он ел мясо убитой электричеством семги». Не похоже, чтобы мысль его была встревожена тем, что в мире уже без малого пять миллиардов человек, что полмиллиарда детей на земле спят ложатся голодными, что хочешь не хочешь, а природой, дабы жить, развивать цивилизацию, придется не только любоваться, но и разумно взаимодействовать с ней — прокладывать дороги в необжитых местах, строить новые заводы и города, всемерно развивать тот научно-технический прогресс, который вопреки Крымову далеко не на всей планете душу человеческую лишь подавляет и обедняет.

Крымов и сам в предсмертных раздумьях вроде бы осознает, что не так жил, что мало себе и людям лишь задавать «вечные вопросы», что «мы еще не выдавали из себя раба»... И опять, даже в смертный час, маячит перед ним монастырь и все тот же протопоп Аввакум...

И если автор романа ставил целью показать, что даже и самый совестливый интеллигент может оказаться безнравственным, коли о веке своем станет судить, глядя лишь в одну, сумеречную, сторону прошлого или в космическую даль «вечных вопросов», а от жизни, понятий нынешних, наиболее выверенных, выстраданных, стыдливо отворачиваясь, — если автор действительно преследовал подобную цель, то он и ее, пожалуй, достиг. Хотя и с некоторыми оговорками.

Крымов автором опознирован. Несть числа и выспренным восхвалением — непомерным, наверно, и для среды кинематографической, а для читателя тем более странным. Он ведь Крымова как талантливого творца в романе совсем не видит.

100мс. правка, 1985, 22 июня, №141.